

Картина расправы с нашим театром была бы не столь выразительна, не оказалась в центре ее Раймонд Паулс. <...> Кто-то усадил в министерское кресло эстрадного композитора. И он, как по нотам, разыграл то, что долго не удавалось матерым аппаратчикам, — уничтожил театр. Что вдохновляло Паулса — жажда новой славы или национальная идея? А может быть, не ведал, что творил? Разбираться в этом небольшое удовольствие, но тема интересная. В различных вариациях и разными исполнителями она проигрывается и в России, и в Молдавии, и на Украине. В ней отзвук времени.

Еще недавно наш герой сторонился политики. Белый смокинг и белый рояль. <...> Паулса ласкали как космонавта от эстрады. Летает высоко, но очень, очень близок. Его шлягеры звучали и в правительственных концертах, и в кабаках. Их мелодическая удобоваримость с легким привкусом западной раскованности постепенно вытеснила пахматовскую бамовскую элитность. Эти песни стали музыкальным фоном тех советских лет, за которыми последовал полный распад.

Мастер мнимостей

<...> Конец шестидесятых. Ожидаю очередного разноса в приемной министра. Секретарша шепнула, что сейчас на ковре Паулс. Наконец вышел багровый Раймонд — отругали за гастроль в Чехословакии. Он возмущался дуростью министра. <...>

Конец восьмидесятых. В тот же кабинет Паулс входит на правах хозяина. И сразу посыпались странные филиппики. Оказывается, новый министр возмущен... нахлебничеством людей искусства, хватит-де им жить за счет народа. <...> Анекдот анекдотом, но в списках популярных политических деятелей министр замечал на верхних строчках. Когда же по поводу «мигрантов» бросил: «Если им не нравится, пусть уходят в Пыталово», — прочно утвердился на первом месте. <...>

Может, Паулс устыдился малого количества патриотизма в себе? Вдруг осознал боль нации? Как и большинство латышей, он и раньше не был чужд этой боли. Важно другое — куда и во что она вылилась. <...>

Угодив в министерское кресло, он начал с грандиозных планов: построить современный концертный зал, быстро реконструировать оперу и т. д. Но тут же столкнулся с реальностью — средств нет...

И кипучая деятельность начинается развиваться в совершенно другом направлении. Дух созидания сменяется страстью к разрушению. Объединить оперу с опереттой! Русскую труппу оперетты ликвидировать! Устроить учебный театр в здании, где играет латышская труппа Молодежного театра! Латышскую перевести в здание, где играет русская! А русскую труппу куда? Слить с театром Русской драмы! <...>

На какой основе происходит эта мичуринская деятельность по скрещиванию и слиянию? Оказывается, во впечатлениях от западной жизни. Вот датский балетмейстер предлагает поставить спектакль за две недели, а наши возятся месяцами... <...>

К тому же он слышал, что в буржуазное время каждую неделю давали премьеру, и этот факт будоражил его. Как-то он объявил, что скоро начнется реконструкция здания, в котором играет латышская труппа, и предстоит быстро перенести спектакли в другое. Мое замечание, что для этого надо переделывать декорации, так как пара-

метры сцены другие, застало Раймонда врасплох. Каким чудом ему удалось так сохранить себя, постоянно сотрудничая с театрами? <...>

Следует признать, что по своему Паулс феноменален. Он — мастер мнимости. Как режиссера меня восхищала его способность иронически улыбаться, держать паузы, производить впечатление, что он знает больше, чем говорит. Он достаточно умен, чтобы не вступать в серьезный разговор, способный об-

Адольф Шапиро был главным режиссером Рижского молодежного театра ровно тридцать лет. В 1992 году письмо к властям независимой Латвии с просьбой сохранить театр подписали Екатерина Максимова, Мария Биешу, Галина Волчек, Владимир Васильев, Олег Ефремов, Иннокентий Смоктуновский, Александр Калягин, Сергей Юрский... (всего 194 подписи). Тщетно

Раймонд Паулс театр ликвидировал

МАЭСТРО

наружить его подлинные знания, и умело переводит таковой в тон светской беседы, устанавливая контакт, в подтексте которого столь короткое понимание собеседниками проблемы, что и обсуждать не стоит. Несмотря на неоднократные попытки, мне ни разу не удалось всерьез поговорить с ним о театре. В результате подлинные его намерения открылись тогда, когда уже ничего нельзя было противопоставить им.

Тридцать первого собрание — таким известием встретили меня в театре. Какое собрание? Кто назначил? Директор ничего не знал. Позвонили и сообщили — министр назначает собрание. «Повестка дня?» — по-комсо-

бьющая о том, что труппа через несколько месяцев должна покинуть помещение. Вопрос: «Куда?» Ответ: «Не знаю». <...> «А почему, пока не подыщут помещение, обе труппы не могут работать в одном здании?» Не моргнув: «Там будет ремонт». Ропот: «А где же тогда будет латышская труппа?» <...> Раймонд все больше и больше запутывался. <...> Говорили другие. Гневно. Возмущенно. В основном актеры из латышской труппы. Это-то и вызвало у министра невероятное раздражение. Он ретировался из театра, заявив, что еще ничего не решено, а через несколько часов... выступил по радио с «экстренным сообщением» о сокраще-

«Для постановки в театр были приглашены декораторы и музыканты из других республик. Не исключено, что именно поэтому спектакль обошелся театру так дорого: декорации, например, сделаны из ужасающе дорогого материала».

«Такого театра вообще нет. Шапиро поставил несколько экспортных спектаклей, в которых не было латышского духа».

«В Латвии достаточно иметь один русский театр, знакомящий русскую аудиторию с произведениями латышских авторов». <...>

Оставалась единственная возможность прорвать блокаду — самим организовать пресс-

требования латышей, в Москве все не находился документ, по которому их страна присоединялась к другой. Облегчу поиски: приказ № К-117 подписан 16 апреля 1992 года. <...>

Без обратного адреса

Есть болевой порог. Наверное, и порог способности удивляться.

Звонок с пожеланием поскорее убраться? Письмо с угрозами? Приятель перешел на другую сторону улицы? Не в первый раз, не обращать внимания, переживем...

Что действительно поразило — одно анонимное письмо.

Потому что было... хвалебным. Автор, писавший по-латышски, несомненно, хорошо знал театр. Вспоминал спектакли, благодарил и желал мужества. При этом ни слова, кто он и где живет.

Эту хвалебную анонимку я храню в память об удивительных днях.

Если бы лет десять назад меня спросили, как будет вести себя тот или иной человек, в большинстве случаев ошибся бы. Поди догадайся, что Гунар Приеде, никогда не забывающий поздравить с праздником, даже не позвонит. А Янис Петерс, несмотря на посольский пост, выступит в защиту театра. <...> А Виктор Авотыньш, который не был напрямую связан с театром, не переводил, не писал для него, ввязется в драку, придет на закрытие театра и, не считаясь с конъюнктурными соображениями, произнесет в тот вечер слова единственные и точные: «Это, безусловно, не только большая потеря в культурной жизни, но и удар по авторитету государственной политики Латвийской Республики». По тем временам это было не слабо. Голос Визмы Белшевицы я слышал лишь однажды, она рассказывала по радио о колониальных мотивах у Пушкина и Лермонтова. <...>

В те дни московской приятельнице позвонила подруга. На вопрос: «Что же у вас происходит?» — рижанка сказала: «Ты не понимаешь одного: что бы ни происходило, что бы ни стал жертвой — Латвия должна пройти через национальную идею». Подобное было во времена Гамсахурдия, грузинский коллега сказал мне: «Мы должны через это пройти». <...>

Оказалось, новейшая история обладает эффектом расслабления людей. Давление среды, наполненной атмосферой национальной исключительности, оказалось сильнее коммунистического жима. До чего тонкая эта вещь — национальное самосознание! Вот надуваешь шарик, он растет красивым и легким, сейчас полетит, но чуть-чуть переусердствуешь и — бац!.. — с треском лопаются. От

былой красоты жалкие лохмотья. От светлой идеи национального возрождения до темного национализма одно, только одно добавочное нагнетание атмосферы. <...>

Рука Лиги Видениеце

Маэстро Паулс уже не министр. Свое дело сделал и на новом витке он не понадобился. Это нетрудно было предугадать.

В политике что-то можно предвидеть, но как раскроются люди в необычной ситуации — загадка. Хотя эта непредсказуемость приносит не только огорчения. Иногда дарит и бесценные вещи. К ним относится поступок нашей актрисы Лиги Видениеце...

Ее интервью передали многие агентства мира: «Мне иногда кажется, что Латвия находится не в Восточной части Европы, а в глубинах Гренландии, или же она является необитаемым островом где-то между Африкой и Южным полюсом... Мы возвращаемся на двадцать, тридцать, пятьдесят лет назад, к той исходной точке, с которой начинали. Чем глубже я вникаю в это, тем страшнее становится. Пусть простит меня народ, но все, что здесь происходит, начиная с вопроса гражданства и кончая политикой и экономической, окрашивается в коричневые тона. Пока очень легкие. Я не хочу сказать, что через пару лет здесь будут концентрационные лагеря и мы будем маршировать с поднятыми руками. Я имею в виду уровень элементарной культуры, взаимоотношения между людьми». <...> На курсе Лига не была на первых ролях. И в театре жила с ощущением, что она не в любимчиках. Поэтому, когда началось брожение, я предполагал, что ее, как говорится, занесет. <...>

Занесло... но — в другую сторону.

Мне она вообще ничего не сказала. Кто-то спросил: «Читали вы вчерашней газете?»

Тогда-то я и прочитал...

Един во всех лицах

В «Трех сестрах» герои засыпают во время пожара. <...> Когда горел наш театр, я тоже отключался. И, как Тузенбаху кирпичный завод, грезились возможное место нового начала. В те дни довелось примерить на себя поведение всех чеховских персонажей. Бродил растерянный, как Феропонт, плохо понимая происходящее. Походил и на Вершинина, лихорадочно уговаривающего окружающих, что будущее прекрасно, и на раздавленную осознанием реальности Ирину. Старался, как Ольга, сосредоточиться на конкретных делах по помощи погорельцам. А порой, как Маша, восклицал: «Эх-ма, жизнь малиновая, где наша не пропадала». Проявлял кулыгинское смирение в надежде сохранить хоть что-то и, как старая Федосья, цепенел при мысли: «Куда я теперь пойду?» То хотелось каяться, то отчаянно вопить: «В Москву! В Москву! В Москву!» Но чаще всего ощущал отчаянную радость Федотика, враз освободившегося от всего бременного: «Все погорело, все, ничего не осталось».

Подозрительная веселость не покидала меня. <...> По сути я уже не руководил театром, а демонстрировал, как должен держаться капитан, когда корабль тонет. Дьявольская это штука. Дает ощущение полноты жизни. Одна страсть — довести свою роль, не покинуть сцену с понурой головой, под улюлюканье галерки. Доведись вновь ставить Булгакова, сцену прощального молеберовского представления я сделаю совсем по-иному. Смысл ее — в упоении последним противостоянием Кабале.

● Адольф ШАПИРО

Из спектакля Рижского молодежного театра «Чукоккала». Режиссер — Адольф Шапиро. «Торжество игры, праздник детства и праздник театра...» — писали об этом спектакле рецензенты после московских гастролей

мольски спросил я. Не сказали. <...> Зато стало известно, что министр вызвал руководство театра Русской драмы и «конфиденциально» сообщил о решении ликвидировать нашу русскую труппу, интересовался, не возьмут ли они нескольких актеров. <...>

«Раймонд, ты понимаешь, что ты сейчас совершаешь против латышского театра, против нашего искусства?» — первой встала Анда Зайце. Такого он не ожидал. На что же рассчитывал,

нии части труппы, дипломатично умолчал, какой именно. А через два дня в газете «Диена» вышло: «Если говорить откровенно, Молодежный театр собирается ликвидировать». И дальше: «Нам вполне хватит одного русского театра». <...>

В том же интервью министр заявил: «Шапиро живет, как блин в масле, и пользуется благами Латвии».

Развернулась самая обычная охота на ведьм. Приемы и лексика ошарашивали:

конференцию. Она длилась два часа... К концу на сцену поднялся Валентин Мацулевич. Как председатель ассоциации режиссеров Латвии он выразил возмущение действиями министерства и потребовал от Паулса публично принести извинения за оскорбления театра и меня. И неожиданно обратился к залу: «Я прошу всех латышей, представителей творческой интеллигенции, вспомнить эпиграф к роману Хемингуэя «По ком звонит колокол». И ушел.